

Философское осмысление пространства в прозе И.А. Бунина

В.Л. Шарова

Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация

В статье на примере прозы И.А. Бунина рассмотрен феномен места, точки географического пространства, как источника памяти. Сделано предположение, что произведения Бунина, написанные в эмиграции, могут быть проанализированы в духе *memory studies*, с одной стороны, и философского краеведения – с другой. Особым объектом исследования становится «двойной хронотоп» – результат спонтанной работы специфического рода памяти – памяти-воображения. В частности, в подобной оптике автором статьи интерпретирован образ Парижа XX в., унаследовавшего ряд черт «Парижа, столицы девятнадцатого столетия» (В. Беньямин), но отмеченного уже духом современности и увиденного глазами эмигранта – русского европейца. Бунинский способ обращения с пространствами памяти рассматривается в рамках теории Поля Рикера и описывается предложенным философом термином *évo-cation*. Также в статье сделана попытка проанализировать пространство в прозе Бунина при помощи концепции «мест памяти», разработанной современным французским историком Пьером Нора. Параллельно с вопросом о специфике пространства в трактовке Бунина, в статье затронута постоянно присутствующая тема времени в его прозе периода эмиграции. В частности, делается предположение, что образы России, к которым обращается писатель, имеют вневременной характер, т.к. их история прервана сменой эпох и вынесена, таким образом, за пределы действительной истории. Акцент сделан на феномене «переоткрытия» прошлого, которое в произведениях Бунина совершается посредством картографирования места в деталях на фоне масштабного исторического слома. В связи с этим опыт индивидуальной памяти-воображения анализируется как пример обладающей универсализирующим характером памяти исторической.

Ключевые слова: философия литературы, культура, философское краеведение, пространство, историческая память, места памяти.

Шарова Вероника Леонтьевна – кандидат политических наук, научный сотрудник сектора философии российской истории Института философии РАН.

veronika.sharova@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-7405-2992>

Для цитирования: Шарова В.Л. Философское осмысление пространства в прозе И.А. Бунина // Философские науки. 2020. Т. 63. № 6. С. 133–145. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-6-133-145

Philosophical Comprehension of Space in the Prose of Ivan Bunin

V.L. Sharova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article, addressing the prose of Ivan Bunin, examines the phenomenon of place – a point of geographical space – as a source of memory. It has been suggested that Bunin’s works written in exile can be analyzed, on the one hand, from the perspective of memory studies and, on the other hand, from the perspective of philosophical area studies. A special object of study is the “double chronotope” – the result of spontaneous work of a specific kind of memory – memory-imagination, or *memogination*. In particular, with this approach, the image of Paris of the 19th century is considered. Thus, Paris is the city that inherited a number of features of “Paris, the capital of the nineteenth century” (W. Benjamin), but is already encompassed by the spirit of Modernity and seen through the eyes of an *émigré*, the Russian European. Bunin’s method for dealing with memory is considered in the framework of Paul Ricœur’s theory and is described by the term *évocation*, proposed by the philosopher. The article also presents an analysis of the space in Bunin’s prose using the concept of “places of memory” (*lieux de mémoire*) developed by the modern French historian Pierre Nora. In parallel with the question of the specificity of space in Bunin’s interpretation, a related theme of time in his prose of the period of emigration is touched upon. It is assumed that the images of Russia, addressed by the writer, are timeless in nature, as their history is interrupted by the change of eras due to the Russian revolution and thus rendered beyond the limits of the real history. The emphasis is on the phenomenon of “rediscovery” of the past, which in Bunin’s works is accomplished by mapping in detail a place against the background of a massive historical rupture. In this regard, the experience of individual memory-imagination is analyzed as an example of historical memory, which has a universalizing character.

Keywords: philosophy of literature, culture, philosophical area studies, space, historical memory, memorial places.

Veronika L. Sharova – Ph.D. in Political Science, Research Fellow, Department of the Philosophy of Russian History, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

veronika.sharova@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-7405-2992>

For citation: Sharova V.L. (2020) Philosophical Comprehension of Space in the Prose of Ivan Bunin. *Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 6, pp. 133–145.

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-6-133-145

Очень зыбки мои представления времени, пространства.

И.А. Бунин

Введение

О символизме различных пространственных объектов в произведениях Ивана Алексеевича Бунина написано немало работ, преимущественно литературоведческого толка. Образы дороги, сада, степи и, само собой, *темных аллей*, отражающие субъективный взгляд на сюжет и героев, многократно проанализированы с точки зрения работы художественного нарратива, его неслучайности по воле авторского замысла [Кочеткова 2005; Поторочина 2011, 153–155; Щербицкая 2007, 255–260]. Но в этой статье мы зайдем на территорию прозы Бунина с другой стороны: с позиций философии, а точнее – философского краеведения как исследовательского метода, позволяющего нащупать и обозначить точки соприкосновения идеи и ландшафта, текста и контекста.

Карта бунинской прозы интернациональна. На нее нанесены кавказское побережье [Бунин 2006а, 11–15] и Сан-Франциско [Бунин 2006б, 75–93], Иерусалим [Бунин 2006в, 411–419] и Киев [Бунин 2006г, 484–495], альпийские селения [Бунин 2006д, 266] и андалузское захолустье [Бунин 2006е, 205–212]... Мы сосредоточимся на двух точках этой карты, на двух разновеликих локациях – Париже и России; в свете эмигрантской судьбы это соотношение вполне закономерно.

Современный Париж – вечная Россия

Бунин эмигрировал в Париж в 1920 г., уже немолодым человеком и зрелым писателем, увенчанным многими регалиями по

разряду изящной словесности, которая, однако, в прежних своих формах пришлось не ко двору в советской России. «Тысячи верст отделяют великий город, где мне суждено писать эти строки, от тех русских полей, где я родился, рос. И обычно у меня такое чувство, что поля эти где-то бесконечно далеко, а дни, которые считаются моими первыми днями, были бесконечно давно. Но стоит мне хотя немного напрячь мысль, как время и пространство начинают таять, сокращаться. И так ведь и было всегда» [Бунин 2006ж, 165], – писал он в ноябре 1921 г.

Париж рассказов Бунина предстает перед читателем городом – наследником знаменитой Всемирной выставки 1900 г., символом прогресса (технического – безусловно, социального – неточно); краски города ярки, как никогда не бывали прежде: таков он глазами эмигранта, но в первую очередь – европейца (Бунин, конечно, – русский европеец). «Зимний парижский закат, огромное панно неба в мутных мазках нежных разноцветных красок над дворцом Палаты, над Сеной, над бальной площадью Согласия. Вот эти краски блекнут, и уже тяжело чернеет дворец Палаты, сказочно встают за ним на алеющей мути заката силуэты дальних зданий и повсюду рассыпаются тонко и остро зеленеющие язычки газа в фисташковой туманности города, на сотни ладов непрерывно звучащего автомобиля, в разные стороны бегущими со своими огоньками в темнеющих сумерках. Вот и совсем стемнело, и уже блещет серебристо-зеркальное сияние канделябров Площади, траурно льется в черной вышине грозовая игра невидимой башни Эйфеля, и пылает в темноте над Бульварами грубое богатство реклам, огненный Вавилон небесных вывесок...» [Бунин 2006з, 267]. Естественна метафора Вавилона, места всяческого изобилия – но и малозаметных, повседневных трагедий (подобных той, которой завершается этот небольшой рассказ-зарисовка). Почти портрет «короткого XX века» в миниатюре; похожим путем обнаружения Истории в рутине дней (пене дней) пошел Вальтер Беньямин, присудивший Парижу звание «столицы XIX столетия», уверенно вошедшей в следующее. Эти параллели кажутся нам достаточно примечательными в контексте дальнейших размышлений.

Работа «Париж, столица XIX столетия» была написана Беньямином в мае 1935 г. в качестве проспекта, предназначенного для Института социальных исследований, с тем, чтобы включить тему, над которой работал философ, в планы института. В результате возник предварительный набросок сочинения, которое

должно было дать панораму культурной истории XIX в. через призму некоторых явлений повседневной жизни. Работа над этим сочинением началась в 1920-е гг. и осталась незаконченной. Несмотря на то что работа, которую сам философ называл «О пассажижах», не была завершена, образ Парижа в ней предстает целостным, включающим в себя приметы архитектуры, быта, истории, этики и т.д.

Принципиальна, на наш взгляд, трактовка Парижа как столицы современности, модерна: у этого города, выросшего из собственной средневековой сущности, изрядно потрепанного османскими реформами, все отчетливее являет себя индустриальная сторона, сторона машинерии, олицетворяемая пассажижами из железных балок и стекла – достижением прогресса торговли и инженерной мысли, которые у Беньямина ассоциируются с коммуна-фаланстерами Фурье, увидевшего в пассажах «архитектурный канон фаланстера» [Беньямин 2000, 155–156]. Не только архитектура, но и литература этой эпохи Парижа пронизана особым духом нового времени, что Беньямин усматривает, в частности, у Бодлера: так, по мысли философа, «принципиальное значение в «мертвенной идиллике» города у Бодлера имеет социальный субстрат, современный. Современность задает основной акцент его поэзии... дух современности постоянно ссылается на первобытную древность» [Беньямин 2000, 163].

В свою очередь, Бунин в Париже то и дело возвращается мыслями к полному деталей ландшафту прошлого: этот переход осуществляется мгновенно, на легчайшей тяге мимолетных ассоциаций. «В Париже ночи сырые, темные, розовеет мгlistое зарево на непроглядном небе, Сена течет под мостами черной смолой, но под ними тоже висят струистые столбы отражений от фонарей на мостах, только они трехцветные: белое, синее и красное – русские национальные флаги. Тут на мосту фонарей нет, и он сухой и пыльный. А впереди, на взгорье, темнеет садами город, над садами торчит пожарная каланча. Боже мой, какое это было несказанное счастье!» [Бунин 2006и, 30–31].

Говоря о специфике пространства (города и всего, что отлично от него) в бунинской трактовке, невозможно не затронуть и сопутствующую тему времени: в данном случае это не просто совпадение, но сущность картографирования истории. Если Париж может быть описан как город XIX, XX или вообще *какого бы то ни было столетия*, то образы России, к которым обращается (воз-

вращается) Бунин, уже имеют вневременной характер – их история прервана сменой эпох и систем (ниже мы к этому еще вернемся). Россия Бунина – это пространство «раньше, никогда и всегда».

И вот мысли мои опять возвратились к далеким, почти забытым осенним ночам, которые видел я когда-то в детстве, среди холмистой и скудной степи средней России. Там месяц глядел под мою родную кровлю, и там впервые узнал и полюбил я его кроткое и бледное лицо. Я мысленно покинул Париж, и на мгновение померещилась мне вся Россия, точно с возвышенности я взглянул на огромную низменность. Вот золотисто-блестящая пустынная ширь Балтийского моря. Вот – хмурые страны сосен, уходящие в сумрак к востоку, вот – редкие леса, болота и перелески, ниже которых, к югу, начинаются бесконечные поля и равнины. На сотни верст скользят по лесам рельсы железных дорог, тускло поблескивая при месяце. Сонные разноцветные огоньки мерцают вдоль путей и один за другим убегают на мою родину. Передо мной слегка холмистые поля, а среди них – старый, серый помещичий дом, ветхий и кроткий при месячном свете... [Бунин 2006й, 406–408].

Интересно, что этот прием ассоциативно связуемых пространств – видимого и вспоминаемого – в рассказе «Поздней ночью» возникает как некое предчувствие, так как написан задолго до эмиграции (в 1899 г.), но в более поздних работах Бунин будет прибегать к нему неоднократно и с иными, может быть, большими основаниями...

Память, воспоминание и воображение

Вообще тема соотношения памяти, припоминания, а также мышленного, – в философии присутствует давно и разнообразно; более того, по замечанию французского философа Поля Рикера, «проблематика, вытекающая из взаимопроникновения памяти и воображения, так же стара, как сама западная философия» [Рикер 2004, 25]. Апеллируя к Аристотелю с его трактатом «О памяти и припоминании», а также к размышлениям Спинозы о душе [Спиноза 2001, 80–81], Рикер предлагает «простое воскрешение в памяти» обозначать словом *évocation*, «в отличие от вызывания, или добывания, воспоминания (*gappel*)» [Рикер 2004, 36]. Бунинский способ обращения с пространствами памяти – яркий пример подобного *évocation*: воскрешения или пробуждения, не требующего ни малейшего усилия души:

Осенней парижской ночью шел по бульвару в сумраке от густой, свежей зелени, под которой металлически блестели фонари, чувствовал себя легко, молодо и думал:

В одной знакомой улице
Я помню старый дом
С высокой темной лестницей,
С завешенным окном...

– Чудесные стихи! И как удивительно, что все это было когда-то и у меня! Москва, Пресня, глухие снежные улицы, деревянный мещанский домишко – и я, студент, какой-то тот я, в существование которого теперь уже не верится...

Там огонек таинственный
До полночи светил...

– И там светил. И мела метель, и ветер сдувал с деревянной крыши снег, дымом развеивал его, и светилося вверх, в мезонине, за красной ситцевой занавеской... [Бунин 2006к, 141–143].

Можно предположить особый характер хронотопа в прозе Бунина: словно бы возникает эффект своеобразного «двойного хронотопа» памяти: воспоминание, триггером которого является настоящее впечатление – впечатление от точки в пространстве, видимой и воспринимаемой здесь и сейчас, – переносит рассказчика в прошлое, к месту, связанному с нынешним сугубо ассоциативно, но при этом несущее в себе всю полноту ощущений и чувств, несводимых лишь к чувству естественной ностальгии эмигранта. Выше мы уже упомянули соотношение памяти и воображения в качестве темы философской рефлексии. Но здесь имеет место нечто совокупное – память-воображение, то, что по-английски (вероятно, и по-французски) можно было бы выразить одним словом: *memogination*... Механизмы действия памяти-воображения часто предстают перед читателем на страницах бунинской прозы.

«Печаль пространства, времени, формы преследуют меня всю жизнь. И всю жизнь, сознательно и бессознательно, то и дело я преодолеваю их. Но на радость ли? И да – и нет. Я жажду жить и живу не только своим настоящим, но и своей прошлой жизнью и тысячами чужих жизней, современным мне и прошлым, всей историей всего человечества со всеми странами его» [Бунин 2006ж, 167], пишет Бунин в одной из своих поздних работ,

«Книге моей жизни» – своеобразной «лаборатории текста», во многом подводящей итог эволюции творческого метода писателя. «Я непрестанно жажду приобретать чужое и претворять его в себе. Но зачем? Затем ли, чтобы на этом пути губить себя, свое я, свое время, свое пространство, – или затем, чтобы, напротив, утвердить себя, обогатившись и усилившись чужим?..» [Бунин 2006ж, 167].

По замечанию Анри Бергсона, «чтобы вызвать прошлое в виде образа, надобно иметь способность отвлекаться от действия в настоящем, надобно уметь ценить бесполезное, надобно хотеть мечтать. Быть может, только человек способен на усилие этого рода» [Бергсон 1999, 487]. Художественное переосмысление, *перевоспоминание* факта реальности в качестве основы творческого подхода осуществлялось в литературе XX в. неоднократно, есть в этом направлении и свои признанные классики (например, назвать первым и главным среди них Пруста было бы тривиальным, но по существу справедливым шагом). В этом отношении – еще одно замечание. В пространстве бунинской прозы выразительно, предельно пристрастно отражен не просто ход времени – смена эпох. Это дает нам основания размышлять об индивидуальной памяти как о памяти исторической.

«Места памяти» бунинской прозы

«Повышение индивидуального и социального спроса на историческую память и, следовательно, на переоткрытие прошлого имплицитно во многом связано с наследием катастрофического XX в., с невиданным ранее размахом приобщавшего людей к травматическому опыту в его разнообразных модификациях» [Султанов 2017, 49–95], отмечает литературовед К.К. Султанов. В прозе и мемуарах Бунина это переоткрытие прошлого совершается посредством картографирования места в деталях, высвечивающих в памяти минувший век и минувшие лики века: «в начале апреля посетил в Хамовниках дом Толстого. Несмотря на блестящий день, весеннее сияние голых деревьев, запах почек и сырой земли, впечатление тяжелое», пишет он в 1930 г. «Дом давно не топится, в нем холод, сырость... Все бедное, жалкое, следы жизни уже давней и забытой! Вспоминаю Остафьево, где был перед этим. Там, в кабинете Карамзина, лежат под стеклом кое-какие вещи Пушкина: черный жилет, белая бальная перчатка, оранжевая палка с ременной кисточкой... Потом – восковая свеча

с панихиды по нем... Смотрел – стеснялось дыханье. Как все хорошо, безжизненно и печально! Век еще более давний и потому кажущийся гораздо богаче, тоньше...» [Бунин 2006л, 360].

Какие времена – такие и имена: «В жаркий день, в конце апреля, ходил в село Измайлово, вотчину царя Алексея Михайловича. Увидал, наконец, древний собор, с зелеными главами... весенний сквозной лес, а в лесу стены, древнюю башню, ворота и храм Иоасафа, нежно сиявший в небе среди голых деревьев позолотой, узорами, зеленью глав, – в небе, которое было особенно прекрасно от кое-где стоявших в нем синих и лазурных облаков... Теперь тут казармы имени Баумана. Идут какие-то перестройки, что-то ломают внутри теремов, из которых вырываются порой клубы известковой пыли. В храме тоже ломают. Окна пусты, рамы в них выдраны, пол завален и мусором, и этими рамами, и битым стеклом. Золотой иконостас кое-где зияет дырами – вынуты некоторые иконы. Когда я вошел, воробьи ливнем взвились с полу, с мусора, и усыпали иконостас по дырам и по выступам риз над ликами святых...» [Бунин 2006л, 363].

Концепция *lieu de mémoire*, «мест памяти», предложенная французским историком Пьером Нора в начале 1980-х гг., в настоящее время является весьма востребованной для описания объектов и символов национальной идентичности. На наш взгляд, приложима она и к прозе И.А. Бунина в контексте наших размышлений. «Вырвано с корнем все то, что еще сохранялось из пережитого в тепле традиций, в мутациях обычаев, в повторениях пришедшего от предков, под влиянием глубинного исторического чувства. Доступ к осознанию себя под знаком того, что завершилось навсегда, окончание чего-то изначального. О памяти столько говорят только потому, что ее больше нет» [Нора 1999, 17]. Так формулирует Нора, говоря об «ускорении истории»: «нужно суметь в полной мере ощутить масштаб того, что стоит за этими словами помимо метафоры (все убыстряющееся соскальзывание в абсолютно мертвое прошлое, неизбежность восприятия любой данности как исчезнувшей) – нарушение равновесия...» Зыбкость пространства и времени, о которых, словами Бунина, сказано в самом начале этой статьи, ищут точки опоры (Нора говорит об «убежище») в местах памяти, рождающих «чувство непрерывности» (возможно, иллюзорное). «Многочисленные места памяти (*lieux de mémoire*) существуют потому, что больше нет памяти социальных групп» [Нора 1999, 17], и это более чем справедливо для описания ощу-

щения человека на чужбине – совершенного индивида вне каких бы то ни было групп, зато, пользуясь выражением писателя и издателя Романа Гуля, – тоже, конечно, эмигранта, – способного унести на своих подошвах Россию [Гуль 1984].

Пространство, отмеченное индивидуальным опытом, становится связующим звеном между временем жизни человека и «большим» временем истории, и здесь важна каждая точка, каждый символ прошлого, тем более, если его можно визуализировать или ощутить как нечто «свое», близкое, причастное личному опыту человека. «Ездил на Николаевский вокзал. Очень, даже слишком, солнечно и легкий мороз. С горы за Мясницкими воротами – сизая даль, груды домов, золотые маковки церквей. Ах, Москва! На площади перед вокзалом тает, вся площадь блещет золотом, зеркалами. Тяжкий и сильный вид ломовых подвод с ящиками. Неужели всей этой силе, избытку конец?» – спрашивает Бунин в «Окаянных днях», и в эту Москву – столетней давности – память-воображение переносит во времени не сложнее, чем в пространстве [Бунин 2006м, 287].

Не менее знаковым символом «утраченного времени» выглядит и образ театра: «Вечером в Большом театре. Улицы, как всегда теперь, во тьме, но на площади перед театром несколько фонарей, от которых еще гуще мрак неба. Фасад театра темен, погребально-печален... Никитская без огней, могильно-темна, черные дома высятся в темно-зеленом небе, кажутся очень велики, выделяются как-то по-новому... Что средние века! Тогда по крайней мере все вооружены были, дома были почти неприступны...» [Бунин 2006м, 289]. Впрочем, театр становится и маркером борьбы поистине классовой, то бишь неразрывно связанной со своими историческими, строго детерминированными основами: «На Страстной наклеивают афишу о бенефисе Яворской. Толстая розово-рыжая баба, злая и нахальная, сказала: “Ишь, расклеивают! А кто будет стены мыть? А буржуи будут ходить по театрам! Им запретить надо ходить по театрам. Мы вот не ходим...”» [Бунин 2006м, 279].

Театр, как и иные места памяти, обретает двоякую природу, материально-архитектурную и символически-культурную, что Нора описывает следующим образом: «Даже место, внешне совершенно материальное, как, например, архивное хранилище, не является местом памяти, если воображение не наделит его символической аурой» [Нора 1999, 40]. В этом случае воображения не занимать.

Театр; монастырь, бывший там, где сейчас казарма; сад и аллеи дворянской усадьбы – оставленные сакральные места, чья сакрализация не продиктована в порядке иерархии – государством, церковью, иными организованными институтами. Мемориализация утраченной повседневности в данном случае – это не только частная ностальгия, но и обобщение чувства поколения эмигрантов, выраженное в языке художественной прозы. Апология эмиграции.

«Нет, это только ничего не значащая случайность – то, что мне суждено жить не во дни Христа, Тиверия, не в Иудее, не на острове Кипре, а в так называемой Франции, в так называемом двадцатом веке. За всю долгую жизнь с ее бумагами, чтением книг, странствиями и мечтами я так убедил себя, будто я знаю и представляю себе огромные пространства места и времени, столько я жил в воображении чужими и далекими мирами, что мне все кажется, что я был всегда, во веки веков и всюду», – писал Бунин в «Книге моей жизни» [Бунин 2006ж, 167]. И задавался вопросом, который мы оставим без ответа: «А где грань между моей действительностью и моим воображением, которое есть ведь тоже действительность, тоже жизнь?» [Бунин 2006ж, 167].

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Беньямин 2000 – *Беньямин В.* Париж, столица XIX столетия // *Беньямин В.* Озарения. – М.: Мартис, 2000. С. 153–167.

Бергсон 1999 – *Бергсон А.* Материя и память // *Бергсон А.* Творческая эволюция. Материя и память. – Мн.: Харвест, 1999.

Бунин 2006а – *Бунин И.А.* Кавказ // *Бунин И.А.* Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 6. – М.: Воскресенье, 2006. С. 11–15.

Бунин 2006б – *Бунин И.А.* Господин из Сан-Франциско // *Бунин И.А.* Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 4. – М.: Воскресенье, 2006. С. 75–93.

Бунин 2006в – *Бунин И.А.* Иудея // *Бунин И.А.* Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 3. – М.: Воскресенье, 2006. С. 411–419.

Бунин 2006г – *Бунин И.А.* «Казацким ходом» // *Бунин И.А.* Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 2. – М.: Воскресенье, 2006. С. 484–495.

Бунин 2006д – *Бунин И.А.* В Альпах // *Бунин И.А.* Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 6. – М.: Воскресенье, 2006. С. 266.

Бунин 2006е – *Бунин И.А.* Ночлег // *Бунин И.А.* Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 6. – М.: Воскресенье, 2006. С. 205–212.

Бунин 2006ж – *Бунин И.А.* Книга моей жизни // *Бунин И.А.* Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 13. – М.: Воскресенье, 2006. С. 163–167.

Бунин 2006з – *Бунин И.А.* Un petit accident // *Бунин И.А.* Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 6. – М.: Воскресенье, 2006. С. 267.

Бунин 2006и – Бунин И.А. Поздний час // Бунин И.А. Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 6. – М.: Воскресенье, 2006. С. 30–35.

Бунин 2006й – Бунин И.А. Поздней ночью // Бунин И.А. Собр. соч. в 13 т. Т. 1. – М.: Воскресенье, 2006. С. 406–407.

Бунин 2006к – Бунин И.А. В одной знакомой улице // Бунин И.А. Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 6. – М.: Воскресенье, 2006. С. 141–142.

Бунин 2006л – Бунин И.А. Из цикла «Странствия» // Бунин И.А. Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 5. – М.: Воскресенье, 2006. С. 360–371.

Бунин 2006м – Бунин И.А. Окаянные дни // Бунин И.А. Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 6. – М.: Воскресенье, 2006. С. 273–382.

Гуль 1984 – Гуль Р. Я унес Россию. Апология эмиграции. В 3 т. – Нью-Йорк: Мост, 1984.

Кочеткова 2005 – Кочеткова М.А. Художественное пространство в рассказах И.А. Бунина 1890–1910-х гг. и в повестях «Деревня» и «Суходол» / дисс. канд. филол. наук. – Ульяновск, 2005.

Нора 1999 – Нора П. Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999. С. 17–50.

Поторочина 2011 – Поторочина И.П. Роль ключевого слова «Сад» в репрезентации художественного концепта пространство в цикле «Темные аллеи» И. А. Бунина // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2011. № 2. С. 153–155.

Рикер 2004 – Рикер П. Память, история, забвение. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.

Султанов 2017 – Султанов К.К. «Человек вспоминающий» в литературе. Историческая память как регулятив национальной идентичности // Событие в истории, памяти и нарративах идентичности / под ред. Л.П. Репиной. – М.: Аквилон, 2017. С. 49–95.

Спиноза 2001 – Спиноза Б. Этика. – М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2001.

Щербицкая 2007 – Щербицкая И.В. Символизм пространства в цикле И.А. Бунина «Темные аллеи» // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. № 53. С. 255–260.

REFERENCES

Benjamin W. (2000) Paris, Capital of the 19th Century. In: Benjamin W. *Illumination*. Moscow: Martis (Russian translation).

Bergson H. (1999) Matter and Memory. In: Bergson H. *Creative Evolution. Matter and Memory*. Minsk: Harvest (Russian translation).

Bunin I.A. (2006a) Caucasus. In: Bunin I.A. *Collected Works in 13 Vols.* (Vol. 6, pp. 11–15). Moscow: Voskresenye (in Russian).

Bunin I.A. (2006b) Mister from San Francisco. In: Bunin I.A. *Collected Works in 13 Vols.* (Vol. 4, pp. 75–93). Moscow: Voskresenye (in Russian).

Bunin I.A. (2006c) Judea. In: Bunin I.A. *Collected Works in 13 Vols.* (Vol. 3, pp. 411–419). Moscow: Voskresenye (in Russian).

Bunin I.A. (2006d) “Cossack Movement”. In: Bunin I.A. *Collected Works in 13 Vols.* (Vol. 2, pp. 484–495). Moscow: Voskresenye (in Russian).

Bunin I.A. (2006e) In the Alps. In: Bunin I.A. *Collected Works in 13 Vols.* (Vol. 6, p. 266) Moscow: Voskresenye (in Russian).

Bunin I.A. (2006f) Overnight Accommodation. In: Bunin I.A. *Collected Works in 13 Vols.* (Vol. 6, pp. 2005–212). Moscow: Voskresenye (in Russian).

Bunin I.A. (2006g) The Book of My Life. In: Bunin I.A. *Complete Works in 13 Vols.* (Vol. 13, pp. 163–167). Moscow: Voskresenye (in Russian).

Bunin I.A. (2006h) Un petit accident. In: Bunin I.A. *Complete Works in 13 Vols.* (Vol. 6, p. 267). Moscow: Voskresenye (in Russian).

Bunin I.A. (2006i) Late Hour. In: Bunin I.A. *Complete Works in 13 Vols.* (Vol. 6, pp. 30–35). Moscow: Voskresenye (in Russian).

Bunin I.A. (2006j) Late Night. In: Bunin I.A. *Complete Works in 13 Vols.* (Vol. 1, pp. 406–407). Moscow: Voskresenye (in Russian).

Bunin I.A. (2006k) In a Familiar Street. In: Bunin I.A. *Complete Works in 13 Vols.* (Vol. 6, pp. 141–142). Moscow: Voskresenye (in Russian).

Bunin I.A. (2006l) From the Series “Wanderings”. In: Bunin I.A. *Complete Works in 13 Vols.* (Vol. 5, pp. 360–371). Moscow: Voskresenye (in Russian).

Bunin I.A. (2006m) Cursed Days. In: Bunin I.A. *Complete Works in 13 Vols.* (Vol. 6, pp. 273–382). Moscow: Voskresenye (in Russian).

Gul R. (1984) *I Fetched Russia off: Apology of Emigration* (Vols. 1–3). New York: Bridge (in Russian).

Kochetkova M.A. (2005) *Artistic Space in the Stories of I.A. Bunin of the 1890s–1910s and in the Stories “Village” and “Sukhodol”* (dissertation). Ulyanovsk, 2005.

Nora P. (1999) Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire. In: Nora P., Ozouf M., de Puymège G., & Winock M. *France-Memory* (pp. 17–50). Saint Petersburg: Saint Petersburg University Press (Russian translation).

Potorochina I.P. (2011) The Role of the Keyword “Garden” in the Representation of the Artistic Concept of Space in the Cycle “Dark Alleys” by I.A. Bunin. *Bulletin of the Udmurt University. Series: History and Philosophy*. No. 2, pp. 153–155 (in Russian).

Ricœur P. (2004) *La Mémoire, l’histoire, l’oubli*. Paris: Seuil, 2000 (Russian translation: (Russian translation: Moscow: Izdatel’sтво gumanitarnoy literatury, 2004).

Sultanov K.K. (2017) “A Man Remembering” in the Literature. Historical Memory as a Regulator of National Identity. In: Repina L.P. (Ed.) *An Event in the History, Memory, and Narratives of Identity* (pp. 49–95). Moscow: Akvilon (in Russian).

Spinoza B. (2001) *Ethics*. Moscow: AST; Mninsk: Harvest (Russian translation).

Shcherbitskaya I.V. (2007) The Symbolism of Space in the Cycle of I. Bunin “Dark Alleys.” *Bulletin of A.I. Herzen Russian State Pedagogical University*. No. 53, pp. 255–260 (in Russian).